

В

осемь веков отделяют нас от эпохи, окрасившей жизнь Древней Руси в глубокую горечь и высокую героику. Это и терпко-полынный смерч татарской Орды, и пик раздробленности некогда могучего государства, и стальная агрессия с Запада. Былинный напев, свист монгольских арканов, скорбный путь полоняников и достойный ответ зарвавшемуся врагу — все это светлая и многострадальная Русь XIII столетия.

Любая эпоха, как бы трагична она ни была, рождает своих героев. Тот суровый век среди многих и многих русских людей высветил из тьмы времен Евпатия Коловрата, Меркурия Смоленского, Михаила Тверского...

Все они воины и страдальцы за русский народ. В неволе или на поле брани. О них сложены легенды и предания, мы их не забудем. Но безусловным героем в народной памяти остался князь Александр Невский. Он похож и не похож на тех, о ком помнят. Александр Ярославич лицо не только и не столько страдательное, Невский — победитель!

С течением времени образ князя Александра не застыл и не выписан окончательно. Последний мазок его портрета не положен. Да этого и быть не может. Мало того, на фоне отношения к личности Невского отражается нерв и пульс настроения нашего современника.

Одна из ипостасей Александра Ярославича — князь-воин. Невскому пришлось защищать не только границы, но и, что несоизмеримо важнее, православную веру, русский менталитет. И здесь на сцену выходит Запад. Татары посягали на наши тела и на наши сокровища. Они не трогали наших душ. Иное — Запад... Именно оттуда исходила главная угроза, причем не только Псковским и Новгородским землям, но и Руси в целом.

Все XIII столетие новгородские князья сдерживали давление усиливавшегося Литовского государства. Чтобы остановить агрессию литвинов, в 1239 году Александр по реке Шелонь возводит небольшие, но крепкие заставы и заключает военный союз с Полоцком.

Но если Литва больше грозила и «бряцала оружием», то шведы и немецкие рыцари-крестоносцы Ливонского ордена Меченосцев целенаправленно наступали на северо-западные русские земли, сполна применяя на практике давний постулат завоевателей «разделяй и властвуй». Первыми открыто бросили вызов шведы. Пока Русь не оправилась от страшного Батыева разгрома, наследники викингов вторглись в земли Новгорода Великого.

Летом 1240 года их корабли вошли в Неву и остановились у устья ее притока Ижоры. Незваных находников возглавлял знаменитый ярл Биргер, будущий правитель Швеции. Планы шведов впечатляли: захватить Псков, Ладогу и Новгород.

Пробил час первого серьезного испытания для молодого новгородского князя Александра. По разным источникам, он родился в мае 1220 или 1221 года в городе Переяславле-Залеском, и был вторым сыном князя Ярослава Всеволодовича. Ему всего восемнадцать. Но в те времена восемнадцать — далеко не юность.

И Александр доказал это. Перво-наперво князь призвал православных не бояться шведа. При получении известия о вторжении, после его горячей молитвы в храме Святой Софии Новгородской из уст Александра прозвучали ставшие знаменитыми слова: «Не в силе Бог, но в правде!» Народ убедился: как бы ни был силен враг — правда за нами.

Действия Александра военно-стратегические тоже можно смело вносить в хрестоматийные примеры. Быстро собрав дружину и соединившись с ладожскими отрядами, 15 июля Александр внезапно напал на шведский лагерь. Враг оказался не готов к битве — разгром агрессора вышел полный. Новгородская летопись пишет: «И пало их много множество; наполнили два корабля телами лучших мужей и пустили впереди себя по морю, а для прочих выкопали яму и побросали туда без числа». Мы же потеряли всего 20 человек.

Имеются сведения о конном поединке Биргера с Александром. Русский князь вышиб шведского ярла из седла, оставив тому на лице след-«печать» от своего копья.

Дошел до нас и составленный в XV веке синодик новгородской церкви Святых Бориса и Глеба с упоминанием «княжих воевод, и новгородских воевод, и всех избивенных братии нашей», павших «на Неве при великом князе Александре Ярославиче».

Житие Александра особо выделяет подвиг шестерых «храбрецов» из русской дружины: Гаврилы Олексича, Сбыслава Якунича, Якова Полочанина, новгородца Миши, что прямо на коне верхом по сходням ворвался на шведский корабль, дружинника Саввы, подрубившего шатер самого Биргера, и юного Ратмира, павшего в бою. Повествует Житие и о чуде, совершенном до и во время битвы. Ижорец Пелгусий перед сражением сподобился видения и узрел Святых Бориса и Глеба, которые решили «помочь сроднику своему Александру», а на берегу Ижоры, где вовсе не было новгородцев, после битвы лежало множество павших врагов, которых поразил ангел Господень.

В отличие от наших летописей и источников, Невская битва совсем не отражена в шведских хрониках, что дало повод некоторым «исследователям» усомниться в том, что сражение было вообще. Однако, по мнению крупнейшего российского специалиста по истории Балтийского региона в средние века Игоря Шаскольского, «в средневековой Швеции до начала XIV века не создано крупных повествовательных сочинений по истории страны типа русских летописей и больших западноевропейских хроник». Как можно искать то, чего нет в природе?

Шведов отвадили, а Русь показала — она жива и северо-западные границы раскрывать не собирается. Скандинавы убедились на деле, что хлеб-соль совсем не для них.

Вскоре после победоносного возвращения Александр рассорился с новгородцами. Кстати, не в первый и не в последний раз. Зимой 1240/41 года князь уехал из Новгорода править в Переяславль. Лишившись сильной и властной руки, Новгород не смог остановить наступление врага много серьезнее, нежели шведы. Враг тот — крестоносцы. В год Невской победы рыцари в союзе с «чудью» (эстонцами) захватили важные крепости Изборск и Псков, затем вторглись в новгородские земли, взяли город Тесов и поставили крепость Копорье. Новгородцы пошли на поклон к Владимирскому князю Ярославу, прося того прислать изгнанного ими же Александра. Ярослав не сразу согласился и лишь со второго поклона отпустил сына, которого уже прозвали Невским. В 1241 году он прибыл в Новгород, где и простой, и знатный люд встретил князя с восторгом и надеждой.

Александр сразу же перешел к решительным действиям. Для начала он отобрал у Меченосцев Копорье, из немецкого гарнизона одних пленил, других отпустил домой. Иная участь ждала эстонцев — тех повесили как изменников. Затем настала очередь Пскова — вместе с новгородцами и суздальцами своего младшего брата Андрея Невский занял город. Перед русскими — Эстония. Правда, в первом же столкновении с рыцарями наш сторожевой отряд воеводы Домаша подвергся разгрому. Русским пришлось отступить.

Исход противостояния могла решить одна битва. Она состоялась 5 апреля 1242 года на льду Чудского озера, у Вороньего камня. Это знаменитое и судьбоносное Ледовое побоище.

Невский прекрасно знал боевое построение немецких рыцарей, их расчет на могучий удар закованных латников, которые двигались клином — «свиньей». Подобный удар мало кто выдерживал, если выдерживал вообще. Расчленив боевые порядки противника, немцы добивали потерявших строй ратников.

В начале битвы все произошло именно так. Тевтоны тяжким разрубающим взмахом пробili передовой полк русских. Наши ряды выгнулись и натянулись струной, но не разрознились, а русские фланги обошли увязших в тесноте всадников и взяли их в крепкие «клещи». Довершил дело конный засадный полк с князем Александром во главе. Бросок русской конницы оказался для псов-рыцарей роковым. Они смешались, а потом и вовсе побежали. Рыцари тонули под ломящимися апрельским льдом. Их нещадно убивали, и счастлив был тот, кто попал в плен. По словам летописца, «и гнались за ними, избивая, семь верст по льду».

«И возвратился князь Александр с победою славною, — рассказывает Житие Невского, — и было много пленных в войске его, и вели босыми подле коней тех, кто называет себя «Божьими рыцарями»».

Ледовое побоище порой пытаются представить как небольшую стычку, принизить ее значение и поставить в ряд малозначащих столкновений. Не получается... Один из главных аргументов подобных сердобольных искателей «прав-

Кадр из фильма С. Эйзенштейна «Александр Невский»

ды» — расхождение в русских и западных источниках по вопросу о боевых потерях. Новгородская летопись свидетельствует о побитом бесчисленном множестве «чуди» и, согласно разным спискам, о 400 или 500 немецких рыцарей. Еще 50 рыцарей попали в плен. А вот Ливонская рифмованная хроника конца XIII века сообщает лишь о 20 погибших и 6 пленных крестоносцах. Что удивительно, для искателей «настоящей правды» безусловной истиной являются почему-то западные свидетельства. Однако русские летописи считали всех убитых и раненых немцев, а рифмованная хроника — только «братьев-рыцарей», действительных членов Ордена. Рыцарь — это маленький танк той эпохи, с пажами и оруженосцами в придачу. В средние века на том же Западе считалось, что если в битве погибла пара десятков рыцарей, то сражение уже крупное. С учетом количества павших крестоносцев Ледовое побоище — битва более чем грандиозная.

И что значит «немцы»? На Чудском озере против русских дружин кроме собственно немцев оружие обнажили французские, датские, английские рыцари. Этаким аналог средневекового НАТО. Вооруженные до зубов. По ним и получили...

Но куда как важнее последствия Ледового побоища. Остановлена агрессия крестоносцев. Орден получил такой удар, от которого затем не смог оправиться. Мало того, Новгород и Орден заключили мирный договор, по которому состоялся обмен пленными и возвращались все захваченные немцами русские территории. Летопись передает слова немецких послов, обращенные к Александру: «Что заняли мы силою без князя Водь, Лугу, Псков, Латыголу — от того всего отступаемся. А что мужей ваших в плен захватили — готовы тех обменять: мы ваших отпустим, а вы наших пустите».

Успех сопутствовал Александру и в битвах с литовцами. В 1245 году он нанес им жестокие поражения у Торопца, под Зижичем и недалеко от Витебска. Многие литовские князья перебиты и захвачены в плен. «Слуги же привязывали их к хвостам коней своих, — рассказывает Житие Невского. — И начали они с того времени бояться имени его».

Еще один поход Александра против шведов состоялся в 1256 году. То был ответ на их новую попытку основать крепость на русском берегу реки Наровы. Узнав даже не о выступлении русской рати из Новгорода, но только лишь о подготовке к выступлению, захватчики «побегоша за море, а Александр повоевал Поморье все».

С Западом Невский не только воевал. Около 1251 года был заключен договор между Новгородом и Норвегией об урегулировании пограничных споров и разграничении в сборе дани с территории, на которой проживали карелы и саамы. Стараниями князя Александра в северных землях поморов распространилась проповедь христианства. Тогда же Александр вел переговоры о женитьбе своего сына Василия на дочери норвежского короля Хакона, но не сложилось.

В последние годы жизни, между 1259 и 1262 годами, Александр от своего имени и от имени своего сына Дмитрия «со всеми новгородцы» заключил договор о торговле с Готландом, Любеком и немецкими городами. Этот договор сыграл важную роль в истории русско-немецких отношений и на него ссылались еще в XV веке.

Совершенно по-иному складывались отношения Невского с Ордой.

В 1246 году в Золотой Орде отравляют великого князя Владимирского Ярослава Всеволодовича. На следующий год брат Невского Андрей, а вслед за ним и Александр совершили поездку к Батью. Тот отправил их в Каракорум, столицу огромной Монгольской империи. Братья вернулись на Русь лишь в декабре 1249 года. Андрей с ярлыкской на великокняжеский стол во Владимире, Александру доставили Киев и Южная Русь. Статус Александра был выше, ведь Киев по-прежнему считался главным стольным городом Руси. Но то лишь формально. Разоренная татарами, «мать городов русских» совсем потеряла свое значение, и Александр не был этим удовлетворен.

История Руси знает немало примеров, когда за зримым столкновением с Ордой не столь явно, но не менее болезненно ощущаются действия Запада. Во время поездки Невского в Каракорум он ведет переговоры с папским престолом. Сохранились две буллы 1248 года папы Иннокентия IV к князю Александру, в которых глава Римской церкви предлагал русскому князю союз для борьбы против татар. Условия — «всего лишь» принятие Александром церковной унии и переход под покровительство римского престола.

На предложение папы Невский дал уклончивый ответ. Он даже согласился на то, чтобы в Пскове появилась латинская кирха. К слову, для Древней Руси дело обычное. Папа уже потирал руки, но его ждало глубокое разочарование.

Папские буллы Александр получил уже по возвращении из Орды, и его выбор оказался не в пользу Запада. Увиденное в путешествии произвело на Невского неизгладимое впечатление: он убедился в несокрушимой мощи монголов.

Вот как передает Житие князя беседу с папскими посланниками: «Прислали к тебе из двенадцати кардиналов двух искуснейших... чтоб ты послушал учение их о законе Божьем». Князь Александр отписал кратко и выразительно: «От вас учения не принимаем».

Невский отдавал себе отчет в том, что Запад не сможет помочь Руси в освобождении от ордынского ига. Более того, «помощь» папы могла оказаться губительной для страны. Принятие унии на практике означало подчинение латинянам, причем одновременно и политическое, и духовное.

Так Александр избрал для себя путь отказа от всякого сотрудничества с Западом и вместе с тем путь вынужденной покорности Орде, принятия всех ее условий. Именно в этом увидел он единственное спасение как для своей власти, пусть и ограниченной признанием ордынского суверенитета, так и для самой Руси.

На этой почве между братьями назревал конфликт, ибо Андрей являлся безусловным и неприкрытым противником татар.

Развязка — кровавая! — наступила летом 1252 года. Александр снова отправился в Орду, и пока он там находился, против Андрея был направлен карательный поход под началом Неврюя. Печально известная «Неврюева рать»... В сражении у Переяславля татары разбили дружину Андрея, а сам он бежал в Швецию. Северо-восточные земли Руси оказались разграблены и разорены, множество людей убито или уведено в плен.

Александр же поехал в Орду к новому Великому хану — Менгу. Провозглашение нового хана означало, что «все ярлыки и печати, которые князьям и вельможам без разбору были выданы в предшествующее царствование», новый хан приказал отобрать. Александр был заинтересован в пересмотре этих решений — зачем ему Киев? Невский не без оснований надеялся получить Владимирское княжение, на которое он как старший из Ярославичей имел больше прав, чем Андрей.

Отношение Александра Невского к Орде — политика умиротворения татар. Его поездки к монголам имели целью предотвратить новые вторжения на Русь. Князь стремился выплачивать огромную дань завоевателям и не допускать выступлений против них в самой Руси. Именно он заложил основы политики Московских князей в отношениях Русь — Орда, что в конечном итоге привело к новому величию нашей державы.

И здесь деяния князя Александра наши современники рассматривают под разным ракурсом, оттенком и привкусом. Одни цинично видят в них лишь угодничество перед непобедимым врагом и стремление любыми средствами удержать в своих руках власть. Иные полагают, что предпринятые Невским шаги — безусловная заслуга князя. Дальнейшая история Руси показала, что правда все-таки за вторыми. Историк русского Зарубежья Г.В. Вернадский писал: «Два подвига Александра Невского — подвиг брани на Западе и подвиг смирения на Востоке имели одну цель: сохранение православия как нравственно-политической силы русского народа. Цель эта была достигнута: возрастание русского православного царства совершилось на почве, уготованной Александром».

Порой Александра Невского называют «князь-собиратель». Наверное, не столько собиратель, скорее, его можно назвать «князь-хранитель». Собирать удельные княжества в те времена объективно не получалось. Хотя, вопреки устойчивому мнению, феодальная раздробленность Руси не только лишь безусловный шаг назад — экономика, политика и сама структура развития древнерусского государства диктовали свои условия. Из старого ядра Киевской Руси вышли новые центры, которые, преодолев болезнь роста, дали толчок к будущему единому и мощному сначала Московскому царству, затем Российскому государству и империи. Включая период конца восьмидесятых XX столетия. Все без исключения современные страны в большей или меньшей степени прошли через подобное.

Русь никогда — никогда! — не являлась «азиатской державой», «Евроазией». Русь представляет собой культурно-политическую суть, отличную и от Европы, и от Азии. Точно так же, как Православие не является ни католицизмом, ни буддизмом, ни исламом, ни чем-то иным.

Что же касается краха его брата Андрея, то прежде чем восхвалять его удаль и смелый вызов татарам, не лишним будет вспомнить, как безрассудно младший Ярославич положил русские рати. Не князь Александр Ярославич оказался губителем, сколько сам Андрей претендовал на роль скорого губителя Руси. Да, бой без оглядки — это красиво и героически. А что дальше? Побег в Швецию к неприкрытому врагу.

В том же 1252 году Александр вернулся из Орды во Владимир с ярлыком на великое княжение и торжественно был посажен на великокняжеский престол. После страшного Неврюева погрома он в первую очередь должен был позаботиться о восстановлении лежавшего в руинах Владимира и других русских городов. Князь «церкви воздвиг, города отстроил, людей разогнанных собрал в дома их», — свидетельствует автор Жития. Особую заботу князь проявлял по отношению к Церкви, украшая храмы книгами и утварью, жалуя их богатыми дарами и землей.

А вот с Господином Великим Новгородом у Александра всегда складывались непростые отношения. Впрочем, не только у него. Пресловутая новгородская вольница не терпела сильной княжеской власти. Им было выгоднее приглашать тех правителей, что покорно выполняли их волю. Однако такие князья не могли защитить от серьезной внешней агрессии. И тогда «гордые и независимые новгородцы» вынуждены были не раз и не два кланяться тем, кого же и выгоняли.

Как правило, конфликт князя и новгородцев начинался с волнений в городе. Одно из таких волнений произошло при Невском, однако в тот раз у Новгорода «не выгорело» — Александр Ярославич вынудил горожан согнуть гордые и неподатливые спины.

Для точного обложения населения данью из Орды на Русь прибыли татарские «численники» — переписчики населения. Русские люди того времени относились к переписи с мистическим ужасом, видя в ней знак антихриста — предвестие последних времен и Страшного суда. Новгород пришел в смутные и ожесточил. Сторону горожан взял даже сын Александра князь Василий. Сначала упорство новгородцев увенчалось успехом — переписи они избежали, хотя и откупились от татар немалой данью. Но их отказ исполнить ордынскую волю вызвал гнев великого князя. Василия отец сослал в Суздаль, а зачинщиков сурово наказал. В Новгороде произошли казни, урезания носов, ослепления. После этого новгородцы вроде бы согласились «дать число», но когда в город прибыли ордынские «численники», мятеж вспыхнул с новой силой. Перепись все-таки состоялась и князь Александр тому немало способствовал. «И начали окаянные ездить по улицам, переписывая дома христианские», — с горечью пишет новгородский летописец.

В конце 1262 года Александр в очередной раз отправился в Орду. Житие Невского кратко, но верно повествует о мотивах поездки: «Было в те времена насилие великое от иноверных, гнали они христиан, заставляя их воевать на своей стороне. Князь же великий Александр пошел к царю, ордынскому хану Берке, чтобы отмолить людей своих от этой беды».

Своей цели великий князь добился, однако Берке задержал Невского почти на год. Не исключено, что хан отпустил Александра лишь после того, как уверился, что тот отравлен медленным ядом. Но это, правда, и не подтверждено. Осенью 1263 года, уже больной, Александр вернулся на Русь. В Нижнем Новгороде князю стало совсем худо. В Городце, чувствуя приближение смерти, Александр принял монашеский постриг с именем Алексия и 14 ноября скончался. Житие рассказывает о чуде, случившемся при самом погребении: когда тело князя было положено в гробницу и митрополит Кирилл, по обычаю, хотел вложить в его руку духовную грамоту, люди увидели, как князь, «будто живой, простер руку свою и принял грамоту из руки митрополита... Так прославил Бог угодника своего». Тело усопшего перевезли во Владимир и 23 ноября похоронили в соборе Рождества Богородицы Владимирского Рождественского монастыря.

Можно много мудрствовать и изыскивать «новейшие и вернейшие» факты, обличать Александра Ярославича в том, что он якшался с монголами и пренебрег интересами своего народа. Что интересно, подобное представление о Невском появляется в период современной «раздробности», тяге к обособленности и все-

дозволенности. Все эти разоблачительные статьи представляют собой лукавые попытки «разобраться» и навести историческую «справедливость», но в самом безобидном случае это есть погоня за сенсацией, спекуляция на великом имени и выпячивание своего «я»: дескать, я первый об этом написал! В худшем случае — это попытка ликвидировать цельность русского менталитета, размывание наших традиций.

Лучшим подтверждением беспочвенности потуг очернить Александра Невского является возведение князя в лик Святых. Вот истинный маркер и лакмусовая бумажка, где нет места для подтасовки, лжи и обмана.

Почитание князя Александра как святого началось сразу после его кончины, тогда же было составлено его Житие. Впоследствии оно не раз дополнялось и перерабатывалось, вплоть до XIX столетия. Сейчас известно до двадцати различных вариантов Жития Святого благоверного князя Александра Невского.

Канонизирован Александр Ярославич Русской православной церковью в лике благоверных во время правления Ивана Грозного на Московском Соборе 1547 года.

Церковь в равной мере прославляет и воинские доблести князя, «николиже во бранех побеждаема, всегда же побеждающа», и его подвиг кротости, терпения «паче мужества» и «непобедимого смирения».

Мощи святого князя, пребывавшие до 1723 года во Владимирской Рождественской обители, источали многочисленные чудеса, сведения о которых скрупулезно записывались монастырскими властями. Незримое присутствие князя Александра ощущается в разных событиях — прежде всего, в переломные моменты жизни Руси и позже России. Первое обретение его мощей совершилось в год великой Куликовской битвы, одержанной правнуком Александра Невского, великим князем Московским Дмитрием Донским в 1380 году. В 1552 году, во время победоносного похода на Казань, царь Иван Грозный совершает молебен у гроба Александра Невского, во время молебна происходит чудо, расцененное как знамение грядущей победы. В чудесных видениях Александр Ярославич предстает непосредственным участником битвы на Молодях в 1572 году, когда войска Михаила Воротынского разбили крымского хана Девлет-Гирея.

Новая страница в почитании Святого князя Александра началась при Петре Великом. Победитель шведов и основатель Санкт-Петербурга, Петр увидел в Невском своего предшественника в борьбе за Балтику и передал под его небесное покровительство основанный им на берегах Невы город. В 1710 году царь лично выбрал место для основания монастыря во имя Святой Троицы и Святого Александра Невского — будущей Александро-Невской лавры. Петр желал перенести сюда из Владимира мощи святого князя. Войны со шведами и турками замедлили дело, и только в 1723 году приступили к его исполнению. В августе святые мощи вынесли из Рождественского монастыря. Многолюдная процессия направилась через Москву к Санкт-Петербургу. В Шлиссельбург мощи прибыли 1 октября. По распоряжению императора они были оставлены в местной церкви Благовещения, а перенесение их в столицу отложено до следующего года.

Встреча святых в Санкт-Петербурге в августе 1724 года отличалась особой торжественностью. По преданию, от устья Ижоры до Александро-Невского монастыря Петр лично правил галерой с драгоценным грузом. Тогда же было установлено ежегодное празднование памяти святого князя в день перенесения мощей 30 августа.

У святости нет границ. В том мире, который мы считаем трехмерным — вообще никаких. Александр Невский прошел главную проверку — временную. Почитаемый в царские и императорские эпохи, образ Невского как никакой другой —

и по праву — соответствовал доктрине СССР, выраженной в песенных строках «Чужой землей мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим...» Под определенным ракурсом образ этот затмил даже Кузьму Минина и Дмитрия Пожарского.

Все это сполна отразило и советское искусство. Алексей Югов в романе «Александр Невский», Василий Ян в «Юности полководца», Анатолий Субботин и его дилогия «За землю Русскую» на фоне эпических событий показывают князя Александра блестящим полководцем, дипломатом и государственным деятелем.

Опередил свое время эпохальный фильм Сергея Эйзенштейна «Александр Невский». Во всем — в сюжете, величине фигур и характеров, в музыке, которая пронизывает каждую клеточку зрителя. С зашкаливающей энергетикой и динамичным сюжетом, фильм до последнего кадра плакатен и органичен. Он вышел до начала Великой Отечественной, но уже тогда на облачении немецкого епископа видна фашистская свастика. В финальной сцене картины главный герой говорит фразу, ставшую знаменитой: «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет. На том стояла и стоять будет Русская земля!» На самом деле князь Александр таких слов не говорил, а первая часть фразы вообще библейское выражение. Но! Миф нужен. Если бы эта фраза оказалась проходной, для украшения, она никогда бы не вошла в сердца и умы потомков. Она ушла бы в разряд баек, слухов, в лучшем случае легенд.

Сам режиссер в первоначальном варианте сценария на этом заканчивать фильм не собирался. В планах Эйзенштейна стояло показать последнее путешествие Александра в Каракорум. Но миф... Он должен быть.

Уже в российское время на экраны вышел художественный фильм «Александр Невская битва». В общем и целом крепкий. Но — не более.

А вот картина «Житие Александра Невского», датируемая 1991 годом — весьма своеобразна. Пожалуй, это первая попытка показать князя Александра не только лишь победителем шведов и тевтонов, но и человеком, мучительно размышляющим об отношениях Руси с Ордой. Надо заметить, у создателей фильма это получилось. Перед зрителем раскрывается живая Древняя Русь и личность князя Александра Ярославича на фоне той непростой эпохи.

Говоря об образе Александра Невского, отраженном в живописи, сразу вспоминается триптих Павла Корина, написанный художником в годы Великой Отечественной войны. Непосредственно Невскому посвящена центральная часть триптиха. Люди, хорошо разбирающиеся в древнерусских доспехах и вооружении, взглянув на фигуру князя, усмехнутся. Да, Александр Ярославич стоит, облаченный во что-то собирательное, абсолютно не соответствующее реалиям. Однако у потомка палехских мастеров Корина и в помине не было писать «документалку». Его образ ярок, он настоящий...

В честь памяти Александра Невского по всей России построено множество храмов. Храм во имя Святого благоверного князя Александра Невского в Воскресенском Белогорском монастыре Воронежской области, Александро-Невская лавра в Санкт-Петербурге, церкви в Ялте и Старом Осколе. Есть такие храмы и за пределами нашей страны: Патриарший собор в Софии, кафедральный собор в Таллине, церковь в Тбилиси.

А еще — памятники. Порой в местах, географически совсем не относящихся к жизни Невского — в Курске и том же Старом Осколе...

По словам Патриарха Кирилла, «...Александр Невский почувствовал не политические, а цивилизационные опасности для России. Он боролся не с конкретными врагами, не с Востоком или с Западом. Он боролся за национальную идентичность, за национальное самопонимание. Без него бы не было России, не было русских. Татаро-монголы не посягали на нашу национальную идентичность. Они не

были способны преодолеть наш цивилизационный код. А вот когда возникла опасность с Запада, когда закованные в броню тевтонские рыцари пошли на Русь — никакого компромисса.

Именно он «оторвал Золотую Орду от Великой Степи». Великая Степь оказалась изолирована от Руси Ордой, которая стала втягиваться в ареал русской цивилизации. Это первые прививки нашего союза с татарским народом, с монгольскими племенами, прививки нашей многонациональности и многорелигиозности. Он положил основу такому миробытию нашего народа, которое определило дальнейшее развитие Руси как великого государства».

Александр Невский стал собирательным образом, вместившим в себя правителя и мыслителя, философа и стратега, воина, героя. Он сделался легендой, мифом и реальностью сразу. Именно тем образом, без которого не мыслится ни наше прошлое, ни настоящее, ни будущее.

